

The background is an abstract painting with thick, expressive brushstrokes. The color palette is diverse, featuring deep blues and blacks in the upper left, transitioning through fiery oranges and reds in the center, and bright yellows and pinks in the lower right. The overall effect is one of dynamic energy and emotional intensity.

Денис Прохор

По дороге в Тартарово

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Прохор

По дороге в Тартарово

<https://litres.ru/74084944>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждый день на автобусную станцию крохотного поселка Фабрика номер 7 прибывает обычный рейсовый автобус. Но это, если на первый взгляд. И маршрут у него особый и пассажиры... У каждого своя остановка, но дорога одна. Прямоком в Тартарово..

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

По дороге в Тартарово

Глава

ПО ДОРОГЕ В ТАРТАРОВО

На автостанцию свой тигрино-шмелиный Пазик Леха Горгулин пригнал ровно в 11. Встал, где и положено, возле мертвой неспиленной осины, на краю автобусной толкучки. Двери-шторки Леха открывать не стал. Просто махнул рукой тут же образовавшейся перед автобусом потревоженной стайке пассажиров. « Душ 15 » - оценил про себя Леха – « Нормально так » Его маршрут: Фабрика № 7 – Тартарово, чего греха таить, особой популярностью не пользовался. Ни ежедневные битковые Звизжи или Полотняный Завод. Тем более ни Калуга с ее 20-ю рейсами в день. В разброс ходил на Тартарово Леха Горбулин. Когда и если подберется соответствующая клиентура. Один-единный раз на целых 10 дней. Или около. Скрипнуло тощее кресло, Леха протащил колени под рулевым, в бахромистой оплетке, колесом и выбрался наружу. Денек образовывался так себе. Пусть летний, но жиденько-ой. Чего-то там бродило не слишком кучерявое вокруг белой солнечной дыры. А в целом... Пыль. Жара. Жара. Пыль. Слов немного. Зато доходчиво. Горгулин направился напрямиком к автостанции. К чудному в этих краях зданию с высокой карпатской крышей, выложенной желто-коричне-

вой глиняной черепицей.

- Алексей! Можно вас, Алексей!

За тонким, веселым до безумия, голосом из-за пивного шатра показался взлохмаченный, совсем перепутанный человек.

- Не, не, Кокушонок.

Прямо в несложно сочиненную дебильную ухмылку сунул Леха папку вишневого спелого цвета.

- Нет здесь твоей фамилии.

- А вы посмотрите, посмотрите – настаивал Кокушонок. - Это какая-то ошибка. То есть не может быть никакой ошибки. Гарантия. Талий. Вы же знаете Айлюлюшкина? С Цыганского поселка? – в белесых глазках Кокушонка появились сомнения. – Позвольте. Конкретный же человек, не интригант. Он так сказал.

Кокушонок начал плавиться. Синим пламенем горели его сомнения.

- Я всю зарплату... Мамину.- Кокушонок перестал улыбаться.

- За Айлюлюшкина не знаю. – сказал Леха Горгулин. – А талий, это тебе любой скажет. Штемп порядочный. Ладно.

Горгулин зажал папку подмышкой и вытянул вперед руку.

- Давай.

Кокушонок полез в карман и совсем потерялся.

- Нету? – спросил Леха.

- Нету. – жалобно подтвердил Кокушонок.

- Поэтому и здесь тебя нет. – помахал Горгулин папкой. – Иди домой, Кокушонок. Айлюлюшкин твой чепуха и талий его бадяженный. А тебе рано еще. И вообще... Ты, Игорек, не обижайся, но ей-богу, ты совсем формальдегидный...

- Не знаю, что это... - захлюпал носом Кокушонок.

- Вот и я тоже. – ответил Леха.

Леха Горгулин прошел мимо бело-синих Пазиков и сквозь железные двери. Внутри автостанции было прохладно. Сумерки здесь были шероховатыми, но уютными и вечными. Как на даче на майские праздники. У голубых стен стояли откидные лакированные стулья. У залепленного бумажной информацией окошечка кассы клубилились два-три человека. Никто на Леху внимания не обратил, а он особенно не расстроился и сразу прошел в комнату, где сидели кассиры. Встал между платяным зеркальным шкафом и голой рукастой вешалкой. По платяному расцарапанному боку расползлись темно-зеленые нити с мелкими лиловыми цветами. Их концы пропадали в грузном цветочном горшке, стоявшем на краю шкафа. Нужды прятаться не было вовсе, но Леха каждый раз делал именно так. Вставал за шкаф и подглядывал за чужой, но зачем-то нужной ему жизнью. У решетчатого окна кассы с газовой желтоватой занавеской сидела не старая еще женщина. Ни капли не красивая. Исхудалая, с крашеными в тлеющий дешевый цвет волосами. Они были завиты крутыми барашками. И лицо такое не интересное. Будничное. Со щеками и носиком. Никак не мог взять в

толк Леха Горгулин, что он здесь делает. Но ведь должен же быть какой-то смысл. Ему обещали. Если вспомнит,, то могут рассмотреть.... Улучшение жилищных условий. Не сдержавшись, Леха саданул кулаком по шкафу. Раздался веселый и шумный стон. Заворочалось тонкое клетчатое одеяло на инвалидном кресле с велосипедными колесами. На поверхности одеяла вынырнула мальчишеская шишковатая голова. Она ворочалась из стороны в сторону, на тонких губах закипала белая слюна. Мальчик лопотал что-то бессмысленное для всех кроме него самого и мерно постукивал затылком о спинку кресла.

- Проснулся? – лицо худой кассирши посветлело. Леха Горгулин, расщедрившись, добавил ей 3 десятых на линейке собственного бабцеметра.

- Проснулся, Васенька? Сейчас. Сейчас.

Женщина подоткнула одеяло, погладила гундящую несчастную больную голову и сунула в абсолютно свободные от ига мозговых нейронов руки деревянную игрушку. Руки мгновенно облепили игрушку с двух сторон и мальчик немного успокоился. Женщина стала к Лехе спиной и склонилась над креслом. За что получила еще две десятых. «А ничего так» - согласился сам с собой Леха – «Если бы не сынок дццэшник».

Досматривать, как женщина будет кормить своего уродца желтой манной кашей, Горгулин не стал. Видел не раз. Ложечкой и прямиком из алюминиевой кастрюли, закутанной в

толстое махровое полотенце.. Как бы это не выглядело странным, но иногда Лехе хотелось сесть на место этого больного мальчика и все-таки попробовать ложечку этой вечной, как незаслуженное страдание, каши. Снова утвердившись в своем низком и тощем кресле, Леха Горгулин бросил вишневую папку на кусок спортивным бобриком стриженного ковра. Из тех, которые вешают на стены, стелят на полы и автомобильные радиаторы от самого сотворения мифа творения. Ковер прикрывал пластиковый кожух моторного отделения. Кроме вишневой папки на ковре стояла глубокая и блестящая чашка для собачьей еды. Леха открыл шторы-двери и посадка началась. Ритуал был бессменным и простым. По одному пассажиры заходили в автобус, называли фамилию. Леха сверялся со списками, удовлетворительно качал головой, и пассажиры бросали в металлическую чашку по два кругляша размером с советский четвертак . Сегодня их было семнадцать. Обязательные бабульки пересыпанные благодетными дедушками. Это если в основном. Они смиренно улыбались, тихо занимали свои места и застывали отрешенно. Иногда между ними вспархивали негромкие и краткие разговоры. Бесмысленные источники великого смысла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.